

кого привычного пиетета к представителю высшей церковной иерархии не чувствуется и в заключительном эпизоде повести: приглашение на службу к Крутицкому митрополиту, соблазн «канунами сладкими и просвирами мягкими» — все это выполнено в тонах тех «смехотворных» писем, о которых с таким презрением говорит Иван Бегичев, подчеркивающий свое правоверие.

Существовала ли в первые десятилетия XVII в. когда, судя по словам Бегичева, должна была уже сложиться повесть о куре и лисице, благоприятная обстановка для развития такого «вольномыслия», какое отражается в нашей повести?

Весь экономический уклад русской жизни в первой половине XVII в. выдвинул политическое значение двух классов — поместного дворянства, в лице среднего и мелкого служилого сословия, и городской буржуазии. Экономические интересы объединяли их и влекли к борьбе с остатками старой феодальной знати, крупного землевладения, как это особенно отчетливо обнаружилось в конце Смуты. Перерастая старый порядок, новые общественные группы вырабатывали на почве новых производственных отношений и новую идеологию, для которой многое в старом мировоззрении, как и в старых нормах общественного строя, представлялось вредным и враждебным. Истощив свое содержание в разных сторонах экономики и политики, эти нормы обратились в противоположность и в области религиозной идеологии. Конечно, значительная часть консервативных общественных групп продолжала и в этой сфере держаться еще прочно старого порядка. Вспомним хотя бы для примера судьбу архимандрита Дионисия, Арсения Глухого и священника Ивана Наседки, правивших текст Потребника и исключивших в молитве на водоосвящение слова «и огнем»: их пытают, заключают в темницу, обвиняя в том, что они хотели «вывести огонь из мира». Арсений Глухой метко характеризует сущность мировоззрения своих обвинителей: «неискусившиеся смотрят только на строку и на буквальную речь и рассуждают: это так, оказывается же совсем не так... они божественные писания по чернилу проходят, смысла же писаний не стараются уразуметь».¹

Но такое формальное отношение к церковно-религиозным вопросам не было уже в XVII в. всеобщим. Религиозное «вольномыслие», хотя и не в форме резко выраженных ересей, т. е. полного отрицания внешней обрядовой стороны религии, как мы видим это в XVI в. (Феодосий Косой, Башкин, позже кн. Хворостинин), но все же в форме более свободного отноше-

¹ Макарий. История русской церкви, т. X. стр. 184. 189.